

17. Werdt Christophe von. Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien: Okzidentalisation der Ukraine und Weissrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 66). Wiesbaden, 2006. – 326s.

УДК 930.1

## **К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДРЕВНИХ СЛАВЯН: ГОРОДА, ЗАМКИ, КРЕПОСТИ**

**Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор  
кафедры истории России  
Удмуртский государственный университет,  
г. Ижевск, Российская Федерация**

Ключевые слова: Древняя Русь, типология укрепленных поселений, город, крепость, замок, славяне.

Реферат. В статье рассматриваются первые опыты разработки археологической классификации укрепленных поселений восточных славян в отечественной исторической науке. Типологии эти были разработаны П. А. Раппопортом и В. И. Довженком.

Главная теоретическая проблема, которую стремились решить оба исследователя заключалась в необходимости согласовать разнообразный фактический материал с марксистской формационной моделью, которая ранее была намечена в книге корифея отечественной науки акад. М. Н. Тихомирова. Тихомиров обозначил, что город – это центр ремесла и торговли, аккумулировавший прибавочный продукт прилегающей сельской округи. Раппопорт и Довженок должны были определить археологические маркеры, которые бы соответствовали этой магистральной идее.

Одно из первых обращений к теме археологической классификации древнерусских поселений было предпринято известным советским историком архитектуры и археологом П. А. Раппопортом в небольшой статье, опубликованной в 1967 г. Эта статья была посвящена скорее постановке вопросов, чем формулировке ответов. Раппопорт исходил из того же понимания города, что и М. Н. Тихомиров. Город для него – это торгово-ремесленное поселение [3, с. 3]. Однако, взявшись за создание типологии, он двигался более последовательно, и поэтому неизбежно входил в противоречие с выводами академика.

Тихомиров, с одной стороны, утверждал, что не все города в древнерусском смысле слова могут быть признаны таковыми с позиции марксистской науки, с другой, по ходу повествования зачислял в число городов всё, что встречалось на страницах летописей. Между тем, Раппопорт указывал, что некоторые из упомянутых

Тихомировым города по своему археологическому облику до статуса городов не дотягивают. Причем речь шла не только об исключении из рассмотрения совсем маленьких (может быть, временных) укрепленных пунктов, имевших исключительно оборонительное значение. Их не брал во внимание и Тихомиров, называвший такие пункты «городками-твердями» [4, с. 12]. Но даже и те укрепленные пункты, которые долго и вполне полноценно функционировали как настоящие поселения со стенами, по мнению Раппопорта, не всегда могут быть названы «городами» в социально-экономическом смысле слова. В данном случае, он критиковал академика с тех же ортодоксальных марксистских оснований, которые сам Тихомиров и заложил.

Раппопорт показал, что само по себе наличие следов ремесленного производства не делает укрепленное поселение городом, поскольку следы ремесла встречались повсеместно, даже в самых небольших неукрепленных селищах, а с точки зрения фундаментальной теории нужно было, чтобы ремесло не просто «было», а еще и было товарным. То есть город – не просто «населенный пункт с ремесленным производством», а «центр ремесла». Для этого предметы, произведенные в городе, должны были расходиться и, как минимум, по ближайшей сельской округе. Раппопорт приводит в пример описанную М. К. Каргером «мастерскую художника», открытую раскопками в Киеве. Сама по себе она не могла бы свидетельствовать о том, что Киев был центром ремесла, если бы изделия этой мастерской не были найдены на значительной древнерусской территории.

Точно так же наличие монет не свидетельствует о развитой торговле, поскольку монеты могли быть использованы как украшения или как сырье для их изготовления [3, с. 4]. Не свидетельствуют о торговле и дорогие импортные вещи, которые могли оказаться в культурном слое как дары или военные трофеи. Так резной стеклянный бокал, найденный при раскопках средневекового Новогрудка Ф. Д. Гуревич, попал туда, по мнению Раппопорта, именно таким образом и поэтому не может свидетельствовать сам по себе о развитой торговле. Такая трактовка, конечно, отличалась от мнения самой Ф. Д. Гуревич, которая считала объект своего археологического изучения значительным городом и – в самом деле – центром ремесла и торговли [1], но суть понятна. А вот найденная в Киеве амфора со стеклянными бусами, напротив, не может быть предметом личного престижного потребления, ибо такая уйма бусин одним человеком, конечно, по прямому назначению использоваться не могла. Это, несомненно, какой-то склад: ремесленный или торговый.

Меньше всего сомнений у Раппопорта вызывал так вроде бы внешний критерий как размер поселения. Действительно: у большого укрепленного поселения есть больше шансов оказаться «городом в научном смысле слова», чем у маленькой крепостицы. Однако и этим критерием, по мнению ученого, нужно пользоваться с осторожностью. Так некоторые древнерусские города (Белгород и Переяславль) имели значительную территорию уже в конце X в., но не были в тот момент еще «центрами ремесла и торговли», а значит и «городами» в том самом марксистском смысле слова.

Показав всю сложность «натягивания» социально-экономической теории на археологический материал, П. А. Раппопорт останавливается на очевидной

необходимости использования комплексного подхода к оценке памятников, что, конечно, в очень малой степени снимало проблему.

Похожую по замыслу и реализации работу написал украинский археолог В. И. Довженок. Он разделил древнерусские поселения на четыре типа, связав их археологический облик и предполагаемую социальную функцию:

1) неукреплённые села, где жили свободные общинники и феодально-зависимые земледельцы;

2) укрепленные дворы феодалов – «феодальные замки» – где обитали их владельцы, вотчинная администрация и челядь;

3) сторожевые оборонные пункты, для именования которых Довженок использовал термин «грады»;

4) собственно «города» («міста») – ремесленные, торговые и политические центры [2, с. 3].

Наибольший интерес украинского исследователя вызывал вопрос дифференциации пп. 2 и 3. Понятно, что и «замки», и «грады» – это относительно небольшие по территории поселения, площадь которых измеряется от нескольких сотен квадратных метров до нескольких гектар. Однако важно было понять отличия. Вопрос об этом рассматривался и Раппопортом [3, с. 7]. Однако Довженок посвятил ему гораздо больше внимания. По его мнению, существенной разницы и в функциях, и в археологическом облике между этими двумя типами памятников нет. И «грады», и «замки» служили как резиденциями знатных людей, так и пунктами обороны. Причем, Довженок специально обращает внимание, что источники не знают примеров, чтобы феодал на Руси прятался в замке от восставших крестьян (такие ситуации вполне допускал, например, Раппопорт). Если «замок» и связан с утверждением власти «феодала» над окружающим зависимым населением, то лишь как грозный символ его могущества, но не буквально как укрытие. «Замки» служили крепостями «феодалов» при междоусобных войнах. То есть, основная функция их была военной. Точно так же как у «градов». Единственное, что может служить четким критерием выделения пограничного сторожевого городка – это его положение, собственно, на границе. В остальном же фортификационные конструкции и планировка однотипны. Конечно, на территории «замков» найдены в большем количестве ценнейшие предметы престижного потребления. Довженок приводит яркие примеры таких находок, сделанных в дореволюционный период на городищах Княжая Гора и Девич-гора. Наиболее интересными и показательными среди богатого инвентаря этих городищ являются золотые диадемы, которые некоторое время принято было даже считать княжескими венцами [5, с. 154]. Конечно, статус этих диадем как княжеских инсигний был подвергнут обоснованному сомнению, но их обретение в культурном слое свидетельствует о том, что в стенах этих городов обитала самая пышная древнерусская знать.

В других городищах инвентарь поскромнее. Но делать из этого обстоятельства далеко идущие выводы нельзя, поскольку нет никакого обязательного правила, по которому какая-то часть наличных вещей обязательно должна была попадать в землю

и попадаться затем на лопату археологам. Многое зависело от случайных факторов, связанных с обстоятельствами гибели города, сохранности культурного слоя и пр. Отсутствие драгоценностей среди находок не означает, что их не было во времена, когда на территории этих небольших городков бурлила жизнь.

Поэтому Довженок не утверждает, что все пограничные городки – это только своего рода форты со сменным гарнизоном. Во многих пограничных городах также можно найти следы типичной для того времени бытовой повседневности (то есть, люди в них не только несли военный дозор, но и жили обычной семейной жизнью). Кроме того, представить себе гарнизон без хотя бы какого-то представителя знати, выполнявшего функции местного командира, тоже сложно. Конечно, столь блестящих находок, как в городище Княжая Гора или Девичья гора, Райковецкое или Колодяжинское городища не содержат. Но это может объясняться не социальными отличиями населения, а тем, что города эти существенно чаще подвергались разрушению со стороны кочевников и поэтому срок их существования и толщина культурного слоя была меньше.

Довженок описывает географическую систему размещения пограничных пунктов. Именно эта система, а не облик самих городков является основной классифицирующей чертой их выделения среди массы относительно небольших укрепленных поселений Древней Руси: «Городища, що утворювали систему оборони Київської Русі, росталися на підвищеннях берегів рік, зручних для оборони і спостереження за ворогом. Кожному з фортець-градів, що будувалися на цих городищах, належала своя ділянка оборони довжиною 10 км. Майже з кожного городища було видно два сусідніх, що давало змогу тримати постійний зв'язок між гарнізонами, які знаходилися у фортецях-градах, і координувати військові дії в разі ворожого нападу. Зв'язок між фортецями-градами здійснювалися шляхом світової сигналізації. Повідомлення про наближення ворога швидко поширювалися з будь-якого пункту по всій оборонній системі і досягали самого Києва. Завдяки цьому київські князі встигали, якщо це було потрібно, вислати допомогу сторожовим градам або вислати назустріч ворогові військові загони. За виразом літописця, піти «переки им». Сліди сигнального вогнища були виявлені під час розкопок на Вітачівському городищі, саме там, где стояла фортечна башта» [2, с. 10].

По археологическим материалам Довженок создал реконструкцию работы пограничного рубежа с описанием механизмов слежения, оповещения и пр. Причем, как видно из материала, сторожевой «фортецией» мог быть и очень древний, относительно крупный город, такой как Витичев, и небольшая крепостница Воинь, в материалах культурного которой были найдены лишь несколько кострищ, фрагменты древнерусской посуды, частичка железного ножа и наконечник стрелы [2, с. 11]. В маленьком Воине не было жилых помещений (кроме клеток в крепостной стене). Да и там, судя по всему, никто постоянно не жил, поскольку помещения в крепостной стене не имели печей [6, с. 328–334]. Впрочем, рядом с городом был расположен небольшой посад. То есть, постоянные жители в этом «укрепрайоне» все-таки были, но обитали они не внутри городских стен. Крепость стояла «для работы», а «для жизни» предназначался посад. Такая конструкция повторяла планировку более

ранних городов-убежищ догосударственного периода. Она, видимо, была вполне привычной для восточнославянского мира и воспроизводилась на протяжении долгого времени в виду её практического удобства.

В общем можно сказать, что оба опыта не были удачными в том смысле, что красиво увязать социально-экономическое и археологическое понимание города ученым не удалось. То большая часть древнерусских городов приходилось лишиться статуса «города», то «замки» по своей археологической «физиономии» сливались с пограничными крепостями, то пограничные крепостицы пусть и в минимальном объеме, но демонстрировали все необходимые элементы урбанистического ландшафта.

Такие ситуации при взаимодействии собственно исторической науки и археологии были и остаются нередки. И если историки часто не могут преодолеть возникающих затруднений, то у археологов всегда готова стандартная познавательная программа: развитие формальных классификаций находок. Именно в этом направлении пошло дальнейшее развитие археологической науки в области средневекового «городоведения». Однако это, как говорится, уже другая история.

Список используемых источников:

1. Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад – окольный город / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л. : Наука, 1981. – 160 с.
2. Довженко, В. Й. Про типи городищ Київської Русі // Археологія / Відп. ред. І. І. Артеменко. Вип. 16. Київ : Наукова думка, 1975. – С. 3–14.
3. Раппопорт, П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА, Вып. 110. 1967. – С. 3–9.
4. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города. М. : Изд-во политической литературы, 1956. – 477 с.
5. Толочко, П. П. Про приналежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі // Археологія. Т. XV. 1963. – С. 145–164.
6. Юра, Р. А., Кучера, М. П. Воинь // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. – Т. 3. – С. 328–334.